

Архиепископ Иннокентий (Пустынский)

Жизнь, отданная Богу

Сельский подпасок в глухом вологодском селе – и блестящий богослов, автор авторитетных книг и статей. Учащийся скромной провинциальной семинарии – и собеседник русского царя и американского президента. Архиерей нескольких огромных епархий – и звонарь в Алма-Ате... Всё это выпало на долю одного человека! Вряд ли думал сирота Саша Пустынский, что побывает в Москве и на Аляске, будет епископом в Якутске и Ташкенте... Но мальчик из лесного захолустья с детства решил отдать жизнь служению Богу, Церкви и людям – значит, был готов мужественно переносить трудности. Испытаний владыке Иннокентию (Пустынскому) довелось перенести немало. Он изведal славу и поношения, жил и в нужде, и в роскоши, обладал немалой властью и был гоним – но везде и всегда старался помнить о Боге.

Выучили всем миром

Родился будущий архиерей Александр Пустынский 23 сентября 1868 года в Александро-Коровиной пустыни (тогда это был Грязовецкий уезд, ныне – Междуреченский район). Родители Саши, Димитрий (он был пономарем в местной Троицкой церкви) и Александра, умерли рано, мальчик научился писать и читать сам. Летом Саша пас скот односельчан. Мальчик постоянно ходил в храм, пел на клиросе – у него был хороший голос.

Священник Василий Авдеевский, чтобы помочь талантливому подростку, организовал среди прихожан сбор средств на учебу Александра. Люди откликнулись, и в 1883 году Александр

Пустынский поступил в Вологодскую духовную семинарию, а окончив её – в Киевскую духовную академию. Свой жизненный путь Александр выбрал еще в семинарии. Спустя год после окончания академии кандидат богословия Пустынский принял монашество с именем Иннокентия, а вскоре – и сан иеромонаха. «Пастырское богословие в России за XIX век» – этот труд отца Иннокентия принес ему степень магистра богословия. Ученый монах нёс послушания в различных духовных семинариях.

Православной Церковью в Северной Америке в то время управлял епископ Тихон, впоследствии – Святейший Патриарх Московский и всея

↓
14 декабря 1903 года в Казанском соборе Санкт-Петербурга была совершена хиротония архимандрита Иннокентия во епископа Аляскинского, викария Северо-Американской епархии. Хиротонию совершали восемь архиереев, в том числе и епископ Тихон, будущий Патриарх Московский и всея Руси

Руси. Этот период американского православия историки Церкви справедливо называют миссионерским. Строились новые храмы, издавались переводы богослужебных и богословских книг, открылась в Миннеаполисе духовная семинария. Православная Церковь становилась видной и влиятельной частью американского общества, и владыке Тихону требовались помощники – умные, образованные, коммуникабельные. Именно таким человеком был уроженец вологодской глубинки будущий владыка Иннокентий (Пустынский). К 1903 году он стал архимандритом, наместником Кремлёвского Чудова монастыря. Церковь знала его как автора богословских книг и статей.

Бывший подпасок прекрасно знал несколько языков – английский, немецкий, латинский и греческий. Он много читал, причем обладал обширной эрудицией во многих областях знаний. Он любил музыку, неплохо пел, во всех странствиях его сопровождала фисгармония.

Решение Святейшего Синода об учреждении в Алеутской епархии викариата было утверждено императором Николаем II 29 ноября 1903 года. По высочайшему соизволению епископом Аляскинским был назначен архимандрит Иннокентий (Пустынский), архиерейская хиротония которого состоялась меньше чем через три недели.

Епископ Иннокентий с жаром включился в работу. Он в курсе всех событий, во всем старается разобраться, в сложных ситуациях не медлит с помощью. Так, владыка Иннокентий решительно вступился за права коренного населения Аляски, составлявшего большую часть прихожан православных храмов.

Встреча с президентом США

В мае 1906 года епископ Иннокентий встретился с президентом США Рузвельтом. Предлагаем читателям отчет епископа Иннокентия об этой встрече (в сокращении).

«...В моем посещении Белого Дома было гораздо более цели и содержания, чем это можно усмотреть

с первого взгляда, ибо в своей беседе с Президентом я имел возможность обратить его внимание не только на нужды Православной Церкви в Аляске, но и на нужды всей территории, где жизнь Церкви тесно связана с общими условиями жизни страны.

...25 мая я посетил Генерально-го Агента Народного Просвещения в Аляске, доктора Шелдона Джаксона, в его канцелярии. Этому господину я принес жалобу на то, что в течение 1905–1906 учебного года Аляска была почти совершенно лишена правительственных школ, и русское духовенство должно было исполнять работу Правительства. При этом я представил ему английское приложение к АПВ 1906 года, за апрель месяц, где были напечатаны лично мною сделанные фотографические снимки правительственных школ, окна которых в самый разгар школьного года, именно в декабре месяце, были наглухо забиты досками и занесены снегом, а рядом с этим – сцены из жизни наших церковных школ, где в это же самое время обучалось более 60 человек детей. Такая форма моего заявления, конечно, не допускала ни возражений, ни оправданий, – и потому почтенный доктор пообещал всемерно поправить дело на будущий год, перевел разговор на Аляскинское оленеводство, которым он, кажется, интересуется много более чем воспитанием и обучением детей...

Результатом посещения мною доктора Ш. Джаксона можно считать своевременное открытие правительственных школ в Аляске к началу 1906–1907 учебного года – не только там, где окна школьных зданий в минувшем году были забиты досками, но и там, где ранее школ не было, как, напр., в нашем Татитлаке. Конечно, *post hoc* (после этого – лат.) не есть ещё *propter hoc*

(вследствие этого), – но ныне правительственные школы у нас функционируют правильно, – а это нам и было нужно.

Наконец настало и 27 мая, когда я должен был ехать к президенту... Дежурный чиновник встретил нас и повел целым рядом комнат. Комнаты маленькие, кожаная темная мебель, всюду простота и деловитость. Ни караула, ни мундиров, ни швейцаров, ни даже ковров. Кое-где сидели и стояли люди, ожидая каждый своей очереди. Когда мы проходили, все с нескрываемым удивлением и любопытством осматривали мою черную рясу, клобук и всю необычную для них фигуру, и до моего слуха часто доносился сдержанный шепот – *Russian Ambassador... Russian Bishop...* (Русский посол... Русский епископ – англ.). Но вот мы остановились перед широкой темной дверью, которая

▲ Епископ Иннокентий на корабле

Русский епископ говорил с президентом США о просвещении туземцев, о незаконной продаже спирта, о контроле над полицией и младшими судьями, о необходимости предоставить жителям Аляски право иметь в Конгрессе своих представителей. Разговор шел без переводчика, так как епископ Иннокентий в совершенстве владел английским языком

Владыка отдавал все свои силы распространению Слова Божия, причем делал это с незаурядной выдумкой: устроил, например, миссионерский поезд. В одном вагоне – церковь, в трех других – архипастырь, причт и певчие. На этом «православном бронепоезде» владыка Иннокентий путешествовал по приходам, где проповедовал, беседовал с прихожанами

через минуту отворилась, и мы вошли в кабинет Президента. Это была точно так же небольшая комната, с письменным столом посредине, с несколькими кожаными креслами по стенам и маленькими книжными шкафами в простенках; с потолка спускалась электрическая лампа. Сам Mr. Roosevelt стоял среди комнаты и ждал нас. Это был высокий и плотный мужчина, лет 40–50, в очках, одетый в белый чесунчевый костюм, без жилета и с красным галстуком на мягкой шелковой рубашке кремового цвета. Быстро поздоровавшись с моим спутником, – который сейчас же назвал меня, и остановился в сторонке, – Президент подошел ко мне, и взял меня за руку так крепко, что я в тот же момент понял, почему американцы постоянно говорят и пишут, что он один ходит на медведя...

Президент с возрастающим интересом стал расспрашивать меня о разных лицах, с которыми я встречался во время моих путешествий по Аляске, о здоровье и условиях жизни туземцев, об их нуждах и потребностях и пр. ... Могу лишь сказать, что на первый план я выдвигал вопросы о просвещении туземцев, об ограждении их от соблазнов и пороков, приносимых в Аляску белыми людьми вместе с незаконной продажей спирта, о контроле над полицией и младшими судьями, о даровании Аляске права иметь в Конгрессе своих представителей и др., и в заключение представил ему несколько книжек английских приложений к АПВ («Американский православный вестник» – А.С.) и несколько газетных отрывков, где я печатно высказывал свои взгляды по изъясняемому в дан-

ный момент вопросам. Он положил бумаги на стол и обещал прочесть их впоследствии.

– «Не забывайте Аляски, Ваше Превосходительство», – закончил я свою речь. «Правда, мы живем далеко от Вас и еще хорошо помним прежних хозяев этой страны – русских, которые и донныне не забывают нас, ежегодно высылая в Аляску десятки людей и десятки тысяч русских рублей, чтобы удовлетворить наши нужды. Однако пора уже и новым хозяевам принять на себя не только права, но и обязанности по отношению к нам».

– «Я рад буду сделать для Аляски все, что будет для меня возможно», – ответил он. «Надеюсь, что Вы мне поможете, и что мы с Вами еще встретимся».

После этого он в последний раз крепко пожал мою руку, заставив еще раз вспомнить о бедных медведях, – и мы расстались. Весь наш разговор происходил, конечно, на английском языке и барон Розен никакого участия в нем не принимал. Только впоследствии, находясь в обществе русских людей, он рассказывал, что Президент, после разговора со мной, сказал ему: «Вот это человек, – я очень люблю таких»....

Одновременно с моим пребыванием в Вашингтоне и непосредственно вслед за сим случилось следующее: прежний губернатор Аляски, мистер Джон Бреди, и Ситкинский маршал, – оба противившиеся поднятию в Аляске русского флага, были удалены из Ситки, причем первый совершенно уволен от службы, а второй переведен в такое место, где нет ни одного православного русского человека и где, поэтому, вопрос о русском флаге возникнуть не может, и вместе с сим осенью отчетного года, в первый раз за все время существования Аляски, были вызваны в Конгресс два делегата для представительства ее интересов».

Снова Россия, снова миссия

Из Америки владыка Иннокентий попадает в Якутск. С 1909 года до февраля 1912 года он управлял Якутской епархией. К своим пасомым владыка относится с той же заботливостью, как и к аляскинским

▼ Епископ Иннокентий своим героическим служением на Аляске и Чукотке продолжил традиции великого миссионера северных народов – святителя Иннокентия (Вениаминова), изображенного на картине художника Филиппа Москвитина

▲ Слева - епископ Ташкентский и Туркестанский Иннокентий (Пустынский), справа - священник Валентин Войно-Ясенецкий. 1921 год

эскимосам. Он хочет знать о жизни прихожан как можно больше, много путешествует – был даже на Чукотке, причем зимой.

1911 год был для владыки Иннокентия очень знаменателен: епископ Якутский и Вилюйский был представлен императору Николаю II и императрице Александре Феодоровне, имел с ними получасовую беседу. К сожалению, содержание этого разговора неизвестно. Возможно, именно в беседе с Царственными супругами был решен вопрос о направлении епископа Иннокентия в Туркестан. Положение там было непростое: сложный климат, напряженная эпидемическая обстановка, опасность землетрясений... Уговорить ехать в этот далёкий и негостеприимный край священников было трудно, тем более, что и поддержки от властей, в общем-то, не было никакой – и это несмотря на то, что православие было государственной религией.

Владыка Иннокентий получил назначение на Туркестанскую кафедру в 1912 году. О пренебрежительном отношении тогдашних властей края к церковным нуждам говорит хотя бы то, что епархиальная резиденция находилась не в центре края, а на самой окраине – в Верном (впоследствии Алма-Ата). Перенести кафедру в Таш-

Он взял меня под руку и повёл на перрон, окружавший собор. Обойдя два раза вокруг собора и, неожиданно остановившись, сказал мне: «Доктор, Вам надо быть священником!» У меня не было и мысли о священстве, но слова Преосвященного Иннокентия я принял как Божий призыв архиерейскими устами и минуты не размышляя: «Хорошо, Владыка! Буду священником, если это угодно Богу!»

Из воспоминаний святителя Луки (Войно-Ясенецкого)

кент удалось только Преосвященному Иннокентию. Переезд завершился за два месяца до начала Февральской революции...

Владыка отдавал все свои силы распространению Слова Божия, причем делал это с незаурядной выдумкой: устроил, например, миссионерский поезд. В одном вагоне – церковь, в трех других – архипастырь, причт и певчие. На этом «православном бронепоезде» владыка Иннокентий путешествовал по приходам, где проповедовал, беседовал с прихожанами. Туркестанский Преосвященный охотно встречался с народом, выступал в учебных заведениях. Святейший Патриарх Тихон на Пасху 1918 года возвел владыку Иннокентия в сан архиепископа.

В тяжелое для Церкви время, когда уже набирал силу «красный террор», архиепископ Иннокентий старался сделать все, чтобы спасти Церковь, и находил себе помощников, в которых мог быть уверен. Святитель Лука (Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий), известный как выдающийся хирург, так писал о своей первой встрече с владыкой в Ташкенте в 1920 году: «Он взял меня под руку и повёл на перрон, окружавший собор. Обойдя два раза вокруг собора, он заговорил о большом впечатлении, которое произвела на него моя речь на собрании, восторгался глубиной и искренностью моей веры и, неожиданно остановившись, сказал мне: «Доктор, Вам надо быть священником!» У меня не было и мысли о священстве, но слова Преосвященного Иннокентия я принял

как Божий призыв архиерейскими устами и минуты не размышляя: «Хорошо, Владыка! Буду священником, если это угодно Богу!»

Конечно, чекистам не был нужен умный, авторитетный, высокообразованный архиерей, и они изгнали его. В 1922 году, получив предписание о выезде из Ташкента в течение 24 часов, архиепископ Иннокентий отправился в Москву.

Расстрел под Алма-Атой

Митрополит Калужский и Боровский Климент в своей книге «Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года» пишет о владыке Иннокентии: «В марте 1923 года уволен на покой. В этом же году он уклонился в обновленчество, но позднее восстановился с Церковью».

Владыка Иннокентий служил в Курске и Киеве, Архангельске... Три года – с 1929 по 1932 – прожил в Александро-Коровиной пустыни. Старался восстановить подорванное здоровье, читал, писал, играл на любимой фисгармонии, служил в храме, совершал требы, как обычный приходской священник – крестил, отпевал, венчал... Покой длился только три года.

В 1932 году владыку Иннокентия арестовали в Архангельске и приговорили к трехлетней ссылке в Алма-Ату. «С первых дней работы в Архангельске Пустынский своей практической деятельностью показал, что его пребывание в рядах руководителей обновленчества является

лишь своеобразной маскировкой его истинной церковно-политической ориентации», – эти показания свидетеля Кузьмина содержатся в следственном деле № 914/33. «Мне не раз, – продолжает свидетель, – приходилось от него слышать: «Я к обновленческому течению не принадлежал и принадлежать не буду, ибо цель обновленчества не созидать церковь, а разрушать».

Владыка служил звонарем Покровского храма. Когда он был архиепископом, в этом городе располагалась его епископская кафедра. Звонил, говори-

Мемориал «Жаналык» под Алма-Атой

«Всем архипастырям, пастырям, монашествующим и мирянам, в земле Казахской в годину лютых гонений за правду Божию пострадавшим...» – звучала молитва над застуженной землей мемориала погибшим под Алма-Атой, где в числе многих безвинно убиенных был и архиепископ Иннокентий (Пустынский). Заупокойную литию осенью прошлого года здесь совершил митрополит Астанайский и Казахского митрополичьего округа

ли современники, «замечательно красиво, чему способствовал его серьезный музыкальный талант».

Красивые звоны раздавались недолго. 3 декабря 1937 года по решению «тройки» ГПУ по Казахской области владыка Иннокентий был расстрелян. В 1989 году реабилитирован указом Президиума Верховного Совета.

Память о нем, однако, живет не только в документах прокуратуры. Есть еще родственники и земляки, которые стараются рассказать людям о необычной судьбе уроженца затерянного в лесах села. Много писала и рассказывала о владыке Иннокентии в передачах радио «Голос России» журналистка Асия Сафановна Хайретдинова. Ее поиски поддержал замечательный краевед, исследователь родного края из Вохтоги Анатолий Васильевич Белов. В октябре 1994 года в поселке Кирпичном Грязовецкого района был открыт музей владыки Иннокентия. В экспозиции – документы, архивные материалы, произведения владыки и публикации о нем. Рядом – предметы деревенского быта конца XIX – начала XX веков, они создают обстановку того времени, показывают, в каких условиях жили люди. Есть экспозиция о владыке Иннокентии и в краеведческом музее, открывшемся в Вохтоге в 2012 году. Сюда же перенесли все экспонаты из музея в Кирпичном: в поселке не осталось ни одного жителя, из музея украли

несколько экспонатов.

Несколько раз грязовчане обращались к руководству Казахского митрополичьего округа, где владыка Иннокентий претерпел мученическую кончину. Руководитель Издательского отдела митрополичьего округа архимандрит Иосиф (Еременко) сообщил Анатолию Васильевичу Белову, что ведется работа по исследованию всех обстоятельств служения архиепископа Иннокентия (Пустынского): «Действительно, это был выдающийся архиерей, имя которого достойно сохранения в истории Русской Церкви, а деятельность его – подробного изучения, чтобы исключить возможные недомолвки и ошибки, особенно в период 1920–1930 годов.

Этим и занимается по благословению Митрополита Астанайского и Казахского Александра Комиссия по канонизации святых Астанайской и Алматинской епархии. Если удастся выявить документы, проливающие свет на советский период деятельности архиепископа Иннокентия (Пустынского), они, безусловно, будут обнародованы».

Андрей САЛЬНИКОВ

При подготовке материала использовались материалы, опубликованные А.В. Беловым (поселок Вохтога Грязовецкого района), А.С. Хайретдиновой (Москва)

▲ Так выглядит сейчас Никольский храм Александро-Коровинской пустыни, где крестили будущего епископа Иннокентия